

Мужчина, который пытался перехитрить смерть.

Отрывок

Платонова Екатерина:

Стр. 86

— Я расскажу вам, как так получилось, что моя правда всегда отличалась от правды моего окружения. Когда мне было тринадцать лет, мой отец тяжело заболел. Я видела, как жизнь день за днем потихоньку покидала его. В одно утро я стала свидетелем странного зрелища. По желанию отца, его кровать, на которой он умирал, поставили к окну в гостиной. У изголовья сидела медсестра, которая красила ему волосы в красный цвет. Огненно-красное зарево волос резко контрастировало с бледностью лица, которое напоминало лицо мертвеца. Глаза же его казались все меньше и меньше внутри огромных глазниц. После того, как медсестра закончила и высушила ему волосы феном, он поманил меня к себе. Я подошла, и он сказал: «Посмотри, солнце светит, все живет. Я чувствую это всем своим телом. Я хочу быть красивым для мира. Понимаешь? Я хочу, чтобы мир меня увидел». «О да, ты очень красивый, — соврала я. — Красивее, чем когда-либо прежде. Ты знаешь об этом?»

Стр. 87

Он сиял.

В ту ночь отец умер. И я знаю, что он не хотел умирать. Я никогда не встречала такой воли к жизни. Делая ему комплимент, я впервые в жизни позволила лжи захватить меня в свои объятия. Но, разумеется, не в последний раз. После несчастной большой любви я стала проституткой. Да и сейчас? Иногда я совершенно не знаю, хочу ли я оставаться в Доме Истины. А может, мне будет гораздо приятнее снова попробовать мир на вкус моим змеиным языком? Ну уж нет, это немыслимо, — сказала она кокетливо.

Векишина Екатерина:

Полный отвращения Валдемар развернулся и хотел уйти, но не смог сделать и шага вперед. Казалось, кто-то не давал ему сдвинуться с места. Тогда он перестал сопротивляться и спросил:

— И они занимаются этим целый день? Упиваются собственной виной? Надоедают себе и другим своими душевными излияниями?

— Они могут сбросить с себя тяжкое бремя своих тайн, — ответила Марианна с выражением лица, которое он не сумел понять. — Они воспевают историю своего падения; постоянно повторяют, как они запутались в собственной нити жизни. Но наказания или чего-то подобного здесь не существует. Здесь ещё никто никогда не получал отпущения грехов и не был осуждён. Каждый предоставлен самому себе и говорит как одержимый, чтобы избавиться от грызущего отвращения к тому, кем был раньше. Снова и снова те же самые истории. Дело в том, что каждый, кто умирает, попадает в Дом Истины

и обретает совесть. Некоторые испытывают это впервые. Это может показаться парадоксом, но здесь многие определенным образом становятся полноценными людьми. Для них смерть — это эволюционный скачок.

— Охотно верю. Но они не утрачивают здесь осознания всех своих недостатков?

— Это никому не удаётся. Через какое-то время большинство переезжает на Площадь Мира и Спокойствия. Только там они всё забывают. Как можно быстрее.

— Получается, ад *здесь*.

— Почему ты так думаешь? — спросила Марианна, пожав плечами.

— Вечная истина, вина, всё это без прощения, это и есть ад.

— А кто должен тебя простить?

— Бог.

— У нас его нет. Говорят, что на Площади его тоже нет. Кстати, там заседает Совет Старшин.

— Получается, что *площадь* — это ад, — усмехнулся Валдемар.

— Ничего подобного! Большинство выбирают Площадь, потому что это место под стать тому миру, из которого мы приходим. Если ты не ведаешь чувства вины, то можешь делать всё, что угодно. Не так ли? — сказала она, подмигнув.